

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук» (Апатиты,
Российская Федерация)
irinarazumova@yandex.ru

СОЗДАНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЩНОСТИ: СЛУЧАЙ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Рассматривается проблема идентификации общности «спецпереселенцы» в разные периоды. Целью было выяснить, как люди, которые соотносят себя с этой исторической категорией, определяют критерии общности и как эти критерии соотносятся с официальными идентификаторами. Материалом являются воспоминания бывших спецпереселенцев, привезенных в 1929–1930-х годах на Кольский полуостров, и их потомков. Высланные преимущественно относились к категории, которая официально определялась как «зачиточные крестьяне» или «кулаки», а с середины 1940-х годов – как «спецпереселенцы – бывшие кулаки». Ревитализация общности «спецпереселенцы» обусловлена характером реабилитационного процесса и сменой идеологических ориентиров в конце 1980-х – начале 1990-х годов. С утратой прежних официальных идентификаторов большее значение приобретали социально-культурные маркеры спецпереселенцев. Одновременно происходило нарративное оформление новой категории – «жертвы политических репрессий». Спецпереселенцы включаются в эту категорию вместе с другими группами репрессированных, но не утрачивают своей отличительности. Их чувство и осознание общности основываются на историческом обозначении, «крестьянских корнях», совокупности нравственных свойств и сходной жизненной траектории, связанной с обстоятельствами переселения. В настоящее время эта общность по преимуществу наследственная и коммеморативная. Спецпереселенцы в лице потомков продолжают рассчитывать на масштабные официальные мемориальные проекты и на узаконенные материальные компенсации. Они руководствуются императивами «закона» и «справедливости» и вновь оказываются во внутренней конфронтации с властью, но уже по другим основаниям, чем в советское время.

Ключевые слова: спецпереселенцы, идентификация, общность, социальная антропология

Для цитирования: Разумова И. А. Создание и реконструкция общности: случай спецпереселенцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 102–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.419

ВВЕДЕНИЕ

В истории формирования населения многих территорий Российского Севера и Сибири в XX веке спецпереселенцы сыграли заметную роль. Целый ряд местностей и отдельных поселений, созданных в советское время, имеют репутацию «ссыльных», в соответствии с которой выстраивается их история. Обширная историография спецпереселений включает детальные исследования, выполненные на региональных материалах. Большей частью они сосредоточены на депортациях по этническим основаниям [1], [8], [30], на «крестьянской ссылке» [4], [5], [15] и положении высланных в конкретных регионах [3], [7], [12], [17], [24], [29]. К основным можно отнести проблемы социальной адаптации переселенцев, особенно когда речь идет об этнических группах, а также вопросы о степени и формах сопротивления крестьян действиям власти. Недостаточно работ, в которых спецпереселенцы и другие группы советского «спецконтингента» рассматрива-

лись бы как социальный и культурный феномен. Исследовательские вопросы, касающиеся категоризации населения, идентификации общностей в тот или иной исторический период, нацелены не только на понимание историко-демографических процессов и культурных сдвигов в обозримом прошлом, но и на прояснение текущей ситуации. Использование «исторических» идентификаторов, к которым относится и категория «спецпереселенцы», детерминировано актуальными общественными и институциональными интересами. Они могут быть связаны как с гуманистическими ценностями сохранения культурной преемственности, так и с политическими задачами. Реидентификация спецпереселенцев как солидарной общности относится к «перестроечному» периоду. Она вызвана активизацией реабилитационного процесса, деятельностью правозащитных организаций и включением людей, подвергшихся социально-политическим репрессиям, в официальную, открытую отечественную историю.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МАТЕРИАЛ

Проблемное поле изучения процессов идентификации создается как минимум трехсторонними отношениями. Согласно концепции Р. Брубейкера, разделяемой многими исследователями, методологически важно учитывать сложные взаимосвязи между, во-первых, категориями, которыми обозначаются те или иные сообщества, во-вторых, группами в их субстанциальной данности и, в-третьих, «групповостью», или «общностью» – в значении объединяющего свойства (совокупности свойств). В этом смысле общность понимается как «эмоционально нагруженное чувство принадлежности к отдельной, ограниченной группе, включающее как осознанную солидарность или единство с другими членами группы, так и осознанное отличие от определенных чужаков и даже антипатию к ним» [2: 99].

В современной теории утвердились идеи множественности, конфликтности, контекстуальности, ситуативности идентичностей, их обусловленности реляционными социальными связями [27], [31], [32], [35] и др. Р. Брубейкер подчеркивает, что обладание неким общим свойством и наличие реляционных связей между людьми только вместе взятые способны дать чувство принадлежности к ограниченной солидарной группе. Вместе с тем это чувство может сформироваться и при минимальной или отсутствующей реляционной связанности, основываясь на категориальной общности и на ощущении сопринадлежности [2: 100–101]. Что же касается категориальных обозначений, то сами по себе они не могут свидетельствовать о существовании реальных сообществ:

«Степень, до которой официальные категоризации формируют самопонимания и в которой категории населения, созданные государствами или политическими деятелями, приближаются к реальным “группам”, – открытый вопрос, на который можно ответить только эмпирически» [2: 111–112].

Нашей целью было выяснить, как люди, которые соотносят себя с исторической общностью спецпереселенцев, определяют основания этой общности и как эти основания соотносятся с официальными идентификаторами периода спецпереселений.

Основным материалом стали воспоминания бывших спецпереселенцев, привезенных в 1929–1930-х годах на Кольский полуостров, и их потомков. Это тексты из опубликованных источников, прежде всего сборников, составленных активистами общественной организации «Хибинское добровольное историко-просветительское общество “Мемориал”» [19], [20], [22], [27]. Для анализа было отобрано около 100 текстов. Все они представляют собой нарративы, сосредоточенные на теме спецпереселения. Большей частью это истории семей, а также биографии родителей и прародителей, автобиографии, «воспоминания о детстве», письменные ответы на

вопросы, записи со слов мемуаристов, выполненные интервьюерами и атрибутированные с разной степенью полноты. Многие воспоминания написаны по инициативе сотрудников «Мемориала» или получены в результате целевого интервьюирования. В иных случаях авторы брались за мемуары потому, что у них появилась возможность сделать «явным» и сохранить для потомков семейное знание, которое ранее было «потаянным». Более того, драматический опыт спецпереселения стал социально востребованным и приобрел историческую ценность.

Методологическую сложность составляет совокупный анализ текстов, поскольку мемуаристы относятся к разным поколениям: испытавшие переселение в молодом трудоспособном возрасте, переселенные с родителями в раннем детстве, родившиеся в местах спецпоселения, родившиеся в более позднее время. Воспоминания о травматичном опыте выселения и о выживании на строительстве городов в Хибинах, транслируясь в семьях, сформировали «помнящую» общность из нескольких поколений. Первостепенную роль здесь играют формы семейного (в первую очередь) и общественного дискурса определенного времени (о значении нарратива в конструировании идентичности см.: [36]). В этом случае мы имеем дело с феноменом, который М. Хирш назвала постпамятью – когда носителями коллективных воспоминаний становятся люди, сами не участвовавшие в событиях, но обладающие эмпатией по отношению к тем, кто был в них реально вовлечен [34]. Информация передается «на таком глубоко эмоциональном уровне, что начинают создаваться собственные воспоминания <...> не за счет процесса припоминания, но за счет вовлечения воображения и проецирования» [28].

Реконструкция общности с включением в нее категории потомков («выходцев») осуществляется с помощью различных форм коммеморации, и в первую очередь нарративных практик, возникающих

«из желания сообщества, существующего в данный момент, подтверждать чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий» [16: 116].

ИДЕНТИФИКАТОРЫ ОБЩНОСТИ

Идентификация общности «спецпереселенцы» относится к тому типу, который «не имеет соответствия в области самоидентификации: формализованные, кодифицированные, объективированные системы категоризации, созданные мощными институтами власти» [2: 91]. Государство насаждало и с течением времени варьировало, уточняло категории в составе спецконтингента, в том числе используемые по отношению к людям, подвергшимся высылке и при-

нудительному поселению: «спецпереселенцы», «трудпоселенцы», «спецпоселенцы», «спецпереселенцы – бывшие кулаки», «ссыльнопоселенцы» (высланные в судебном порядке) и пр. Присвоение официальной категории той или иной группе людей сопровождается определением их статуса в общественной иерархии. Соответствующие ему навязанные социальные роли могут внутренне приниматься или отвергаться как самими исполнителями, так и их окружением. По замечанию Брубейкера, связь между официальными категориями и самопониманием редко становится предметом детального анализа. С одной стороны, заданные отношения так или иначе включаются в обыденные взаимодействия, «опривычиваются» и влияют на самоидентификацию. С другой стороны, те, кто подвергается категоризации,

«сами постоянно следуют этому процессу, и критерии, используемые ими для осмысления себя и других, не обязательно имеют что-то общее с категориями, используемыми государствами, какими бы могущественными они ни были» [2: 134–135].

Официальный статус спецпереселенца его носители чаще всего называют «клеймом», а соответствующее ему социальное положение – «изгойничеством». Отвергать правомерность наделения этим статусом можно сколько угодно, но для «заклейменных», как и остального населения, оно стало обстоятельством непреодолимой силы. Спецпереселенцы как категория определяются рядом объективных свойств и сопутствующих жизненных обстоятельств. Во-первых, на спецпоселение отправляли по определенным признакам: классовым, конфессиональным, политическим, этническим [23: 214]. Самую значительную часть «классово чуждых» составили представители крестьянства, по декларации власти – зажиточного, использовавшего наемную рабочую силу, единоличного. Выходцами из крестьянских спецпереселенческих семей является и подавляющее большинство наших мемуаристов. В реальности на местах все обстояло по-разному. Социальная идентификация подлежащих высылке осуществлялась во многом произвольно, формальные критерии часто не выдерживались. Это давало основания для опровержений и сетований на «ошибочность» отнесения к данной категории в частных случаях. Сама категория «кулаки» мемуаристами в большинстве своем не оспаривается, но они крайне редко применяют ее к своим родственникам и только в тех случаях, когда безусловно признают их зажиточность, использование ими наемных работников, неприятие колхозов.

Система типовых аргументов против действий власти в отношении конкретной семьи «наследуется» потомками:

«Ну, какие они кулаки? Зажиточные – да! Помногу имели детей, работали с утра до вечера. Наемных рабочих не держали» (о семье деда)¹ [20: 7].

«Жили не богато, рабочих не имели, все делали своими силами, своими семьями земли обрабатывали, которая принадлежала им по наделу, согласно семьи»² [20: 63].

Во-вторых, спецпереселенцы – это те, кто перенесли насильственное выселение из родных мест на другие территории, чаще отдаленные, неосвоенные и вообще малопригодные для жизни, особенно с точки зрения земледельца. Переселение происходило в соответствии с типовыми алгоритмами, разработанными директивными органами [5: 61–84]. По этой причине рассказы о переселении обнаруживают не только большое фабульное сходство, но и совпадение деталей в описаниях выселения, транспортировки, размещения на новом месте и т. д. [11]. Переселение и обживание сопровождалось физическими тяготами, болезнями и смертями, то есть физическим насилием.

В-третьих, отнесенные к данной категории люди были ущемлены в правах. Это касалось в первую очередь лишения паспортов, избирательного права, возможности передвижений с установлением подконтрольности (необходимость отмечаться в комендатурах), а также ряда других прав. В-четвертых, спецпереселенцы подверглись экономической дискриминации: отъем собственности, меньшая оплата за труд, большие налоги и пр.

Создавая официальную кодификацию населения, власть устанавливает правила отношений. В данном случае государство инициировало прямое противостояние, объявив крестьян-«кулаков» своими врагами. «Государственный террор был первичным по отношению к ответному насилию (физическому и имущественному), которым отвечала масса крестьянства на действия властей в деревне», – утверждает С. А. Красильников. По его мнению, в первую очередь в силу различия стратегий сторон («государство нападало, крестьянство оборонялось») крестьянское сопротивление было обречено на неудачу [15: 39–40]. На первых этапах спецпереселений, как свидетельствуют исторические исследования, это сопротивление было вполне ощутимым и осуществлялось разнообразными способами – от локальных восстаний до скрытых, эскапистских действий отдельных семей. К формам сопротивления относились «самораскулачивание», тайный выезд из деревень, распродажа имущества и забой скота, разделы хозяйств, создание фиктивных колхозов из родственников, попытки защитить высылаемых крестьян на местах, бегство во время транспортировки и из спецпоселков, организация повстанческих групп в районах спецпоселений, отказ от работы и др. [4], [6], [14], [18], [21], [25].

В рассмотренных текстах больше всего воспоминаний о разнообразных способах сокрытия от власти, неудавшихся или отчасти удавшихся

попытках ее обмана, предшествовавших высылке. «Успешными» такие действия оказывались для отдельных членов семей – за счет разделов, браков с бедняками, смены фамилии, заблаговременного бегства благодаря предупреждению сведущих родных или земляков. Бегство по пути в ссылку мало кому, но иногда удавалось:

«По дороге, кто мог, спрятался или сбежал, когда поезд останавливался по нужде. Тех, кто бежал, расстреливали»³ [19: 190];

«Их тоже отправили в Сибирь, но отец с другом бежал, и они оказались на Вологодчине, где к ним очень плохо отнеслись. Питались с помойки: очистки, капустные листья. Решили податься на Кольский п-ов. Шли через Карелию, где их даже оставляли работать на лесопилке, предварительно отмыв от вшей и переодев в другую одежду, даже документы обещали сделать. Очень они им понравились – люди-то работающие. Они пошли дальше на Север и потом очень пожалели, что не остались. Подучили бы язык и сошли за карелов»⁴ [20: 23].

Непротivление высылке у части крестьянских семей было связано с традиционными установками старших, которые усваивались потомками:

«Помню, дедушка говорил: “Какая бы власть ни была, мы должны ей подчиняться, значит, так надо”, поэтому никто не сопротивлялся и не протестовал»⁵.

Далее, рассказывая о жизни в Хибингорске, та же мемуаристка заметила: «Снабжением в общем были довольны, хотя и не всегда ели досыта. Давали пайки, деля две бутылки молока на месяц, а овощей долго не было. Конечно, народ болел, люди умирали от цинги, тифа. Сказать, что нас как-то притесняли – этого не было. Редко кто не подчинялся правилам» [22: 30–31].

«Притеснение» здесь понимается только в значении ответных действий власти на неповиновение, а голод, болезни и смерти из-за условий труда и быта к притеснениям не относятся даже по прошествии многих лет.

Определяя нормы взаимоотношений с различными категориями высланных, государство время от времени меняло формальные идентификаторы и переструктурировало состав «спецконтингента». Новым терминам соответствовали новые смыслы, на что историки обратили внимание. С. А. Красильников отметил, что превращение «спецпереселенцев» в «спецпоселенцев» указывало на «завершение стадии переселения и переход к “оседанию”», но в любом случае для власти они оставались ссыльными, и в конце войны вернулось обозначение «спецпереселенцы – бывшие кулаки». «Возвращение через 15 лет к первоначальному названию “спецпереселенцы” означало лишь то, что доминантой в глазах властей была репрессия, а не миграционная составляющая упомянутого явления», – пишет историк [15: 30]. Таким же образом, отталкиваясь от значения терминов, М. Ю. Ким использует их для подтверждения того, что отношение государства к обозначаемой части населения менялось в зависимости от его актуальных интересов:

«Сама проблема выселения кулачества из идеологической плоскости со временем перешла в более практи-

ческую область. В этом, на наш взгляд, надо усматривать изменение формулировки “спецпереселенцы” в первые годы выселения на “трудпоселенцы” в последующие. Постепенно изменялось отношение власти к спецпереселенцам от “врагов народа”, которых подвергли “кулацкой ссылке”, к пониманию, что это основная рабочая сила, которой требуется соответствующее внимание для поддержания ее трудоспособности. В связи с этим в поле зрения власти оказались социально-бытовые и трудовые условия спецпереселенцев» [13: 60].

Насколько изменялись реальное положение переименованных высланных и их встречное отношение к власти, судить сложно. Что касается самоопределения, можно уверенно предположить, что после присвоения статусов «кулаки» и «спецпереселенцы» последующие переименования сказывались на нем минимально. По крайней мере, в воспоминаниях эти обозначения легко взаимозаменяются, используются равноправно («трудпоселенцы» – реже), в отдельных случаях мемуаристы уточняют: с такого-то времени (тогда) нас стали называть (называли) трудпоселенцами (спецпереселенцами), – если в другое время их обозначали иначе.

Значительно больше на социальном самочувствии высланных сказывалось то, что принадлежность к спецпереселенцам предполагала возможность снятия «клейма». Частичная или даже полная интеграция в нормализованное общество допускалась при неких условиях, определяемых властью сообразно с политическими и экономическими задачами момента. У молодежи шансов было больше, например, для мужчин основанием была служба в армии. Тексты позволяют судить о том, снятие каких ограничений воспринималось в качестве радостных событий или знаков того, что власть сдает свои позиции в отношении к спецпереселенцам. В любом случае положительно воспринимался каждый шаг на пути к социальному равенству с большинством.

«Мои родители очень болезненно воспринимали, что были лишены права голоса. В 1936 году папа и мама уже имели право идти на выборы, и этим очень гордились. Кроме того, вышел Указ Сталина, что “сын (дочь) за отца не отвечает”. Это уже было достижение, и мы могли ездить. Но в паспортах оставалась метка...»⁶ [20: 42].

«Первые годы нашей здесь работы мы не имели права вступать в профсоюз. А после 1936 года нас, высланных, приняли в профсоюз и дали право в выборах. Это нас очень обрадовало»⁷ [22: 38].

«А как война началась, нас повезли в эвакуацию в Казахстан, на Иртыше плотину строить. На Кольском кулаков вроде постыдились брать в армию, а там всех мужчин и взяли <...>. Взять моего мужа: кулаком считался, а учили на летчика»⁸ [22: 86].

С началом сокращения, а затем и ликвидации системы спецпоселений усиливался дополнительный смысл слова «спецпереселенцы»: это те, кто нуждается в реабилитации. Освобождение от спецпоселения с выдачей паспортов и возвращением прав происходило длительно и поэтапно, распространяясь на разные категории спецпосе-

ленцев. Историки определяют этапы этого процесса: с середины 1940-х по 1953 год происходит постепенное снятие с учета спецпоселения, с середины 1950-х по 1965 год – постепенная ликвидация института спецпереселений и системы спецпоселений⁹ [9], [29: 207–210].

Реабилитация, подтвержденная официальным документом, осмысливается как знак восстановления справедливости. Мемуаристы осознают поэтапность реабилитационного процесса и связывают его со сменой руководящих личностей и периодов в истории Советского государства.

«Только в Хрущевские времена мы постепенно сравнялись со всеми советскими людьми. И сейчас, через 62 года, власти объявили о нашей реабилитации»¹⁰ [20: 61].

«Вот так я и жила семьдесят лет на доносах и подписывании. Спасибо Ельцину, хорошо, что появился такой человек»¹¹ [22: 43].

Многие не дожили до получения справки о реабилитации, что болезненно переживается родственниками («не дожил...»). Некоторые спецпереселенцы так и не получили официального свидетельства о восстановлении в правах. Причины были разные – не учтенные законодательством нюансы и двойственное правовое положение переселенца, недобросовестность исполнителей на местах, отсутствие или утрата документов и др.

ВОССОЗДАНИЕ И ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ОБЩНОСТИ

Переломными в отношении идентификации спецпереселенцев (спецпоселенцев) следует считать 1989–1991 годы. Они ознаменованы документами, которые вывели за рамки закона ранее принятую категоризацию и признали тех, кто относился к социально дискриминированным группам, «жертвами», которым по закону требуется реабилитация. Это Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов»¹²; Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав», принятая 14 октября 1989 года¹³; Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий»¹⁴. Новое государство, обвинив предшественника в беззакониях, приняло на себя роль восстановителя справедливости.

Таким образом, бывшие спецпереселенцы вкпе с другими категориями репрессированных получили новое официальное обозначение и новый статус. Если ранее, по мере развития реабилитационного процесса, в обществе усиливалось осознание того, что о жертвах репрессий и насильственных переселений можно и нужно говорить и писать, пусть с известными оговорка-

ми, то с конца 1980-х – начала 1990-х годов обнародование информации и публичное осуждение действий советской власти приобрели характер социального требования. Предшествующий («постсталинский») период стал восприниматься как «эпоха замалчивания». На этом этапе многие категории перестали существовать, а социальная память, базирующаяся на ощущении «общности судьбы» с такими же пострадавшими и на семейном знании, искала и вырабатывала устойчивые формы для своего выражения. С утратой прежних официальных идентификаторов, во-первых, приобретали большее значение неформальные определители, социально-культурные маркеры общности, во-вторых, происходило нарративное оформление категории «жертвы политических репрессий» («репрессированных общностей») – и как целого, и отдельных разрядов.

Сформировался дискурс, в рамках которого говорят и пишут о спецпереселенцах журналисты, публицисты, правозащитники, историки-краеведы, а также сами спецпереселенцы и их потомки. Содержательно-смысловую основу культурной идентификации составляет ряд ключевых концептов.

Коллективная жертва – закрепившийся за спецпереселенцами символический статус, который объединяет их с другими категориями репрессированных. Важнейшими концептами, которые организуют тексты спецпереселенцев, являются «страдание» и «мучение». Они определяются и описываются через конкретные проявления: физические, психологические, материальные, бытовые, эмоциональные. Утверждается неполноценность прожитой жизни – следствие и проявление «грабежа» (не только в экономическом смысле) со стороны власти. Для спецпереселенцев большое значение имеет формальная легитимация «равенства». Отсутствие «справок», «льгот» и трудовых наград дает основание оценивать жизнь в качестве не только «ограбленной», но «украденной» в целом. Соответственно, их наличие многими воспринимается в качестве хотя и неэквивалентной, но компенсации. Другие же однозначно утверждают, что льготы и справки слишком запоздалая и недостойная цена за поломанные судьбы.

С историей общности и судьбами ее представителей ассоциировано понятие «правды». Правда – это знание, которое было скрыто ложью и умолчанием, а потом «открылось». Спецпереселенцы осознают себя носителями «истинной истории», противопоставленной искажающим ее официальным версиям. К разряду ключевых относится понятие «справедливость». Поскольку главным источником несправедливости явилось незаконное государство, справедливость предстает прежде всего в правовой ипостаси: права на землю, собственность, равенство прав граждан и т. п. Нравственный аспект справедливости заключается в восстановлении «исторической

правды» о спецпереселенцах и сохранении ее в памяти потомков.

Труд – один из важнейших идентификаторов данной общности. И причины ее создания, и страдание, и выживание обусловлены связью с трудом, во-первых, тяжелым, во-вторых, нравственным: работали «честно, не считаясь со временем», «на совесть» и т. п. Главной же чертой трудового поведения бывших крестьян является честность. Это самое емкое в смысловом отношении свойство спецпереселенцев. Оно соотносится и с «трудом», и с «правдой», и с бытовым поведением (постоянно подчеркивается неприятие воровства)¹⁵.

Наконец, значительную смысловую нагрузку в определении самой общности и ее общественной роли имеют концепты «памяти», «судьбы», «семьи» («рода»). Воссозданная в новых условиях общность, соединяющая представителей разных поколений, видит свою основную задачу в коммеморативной деятельности. В опубликованных воспоминаниях отсутствует, но в устных высказываниях встречается мнение, что правда скрывается и замалчивается до сих пор.

Закон 1991 года, скорректированный в 2005 году, допускает региональную вариативность объема и видов компенсаций, и это позволяет по-разному его интерпретировать и исполнять. 14 июня 2019 года в СМИ опубликован сюжет «Дети Большого террора: как потомки репрессированных в СССР борются за право вернуться домой»:

«Конституционный суд России снова получил жалобу на неисполнение закона о реабилитации жертв политических репрессий. В этот раз это коллективный иск трех женщин, которые всю жизнь провели в местах ссылки их родителей и все еще не могут вернуться в Москву. <...>. Корреспондент RTVI Елена Светикова отправилась в места, где живут дети жертв Большого террора, и попыталась выяснить, есть ли у них шанс вернуться домой».

Поскольку Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» с 2005 года скорректирован в направлении интересов (законодательства) субъектов Российской Федерации, а речь идет о Москве, шансы видятся сомнительными. Публикация заканчивается сочувственным высказыванием юриста:

«Чем дальше мы уходим от 1991 года, тем больше официальные лица предпочитают ставить памятники,

открывать мемориальные доски, водить детей на экскурсии в музеи и все меньше говорить о компенсациях. Хотя люди еще живы, и есть те, кому можно помочь»¹⁶.

Спецпереселенцы вновь оказались в неравном противоборстве с властью, но уже по другим основаниям. «Социальное происхождение» позволяет им настаивать на своих наследственных правах, в чем они руководствуются одновременно практическими интересами, нравственными императивами и верой в справедливость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ревитализация общности «спецпереселенцы», после временного разрыва в позднесоветский период, обусловлена характером протекания реабилитационного процесса и сменой идеологических ориентиров. В настоящее время эта общность по преимуществу наследственная и коммеморативная. Главной целью ее существования является создание мемориального фонда, что реализуется в культурной практике семей, создании локальных общественных организаций, в неразрывной связи с деятельностью «Мемориала» по формированию мест памяти. Спецпереселенцы включаются в общность «жертв политических репрессий» вместе с теми категориями граждан, которые были высланы в судебном порядке или находились в местах заключения по политическим статьям. При этом они не утрачивают своей отличительности, основанной на историческом формальном статусе и обозначении, «крестьянских корнях» и связанной с ними совокупности нравственных свойств, а также на общности жизненной траектории («судьбы»), которую создали обстоятельства спецпереселения. В лице потомков они продолжают рассчитывать на масштабные официальные мемориальные проекты, а также на узаконенные компенсации – не столько в знак «покаяния» государства, так как постсоветская власть отмежевывалась от деяний советской власти, сколько во исполнение «закона» и «справедливости», провозглашенных в начале 1990-х годов. С точки зрения государства на сегодняшний день ни экономической, ни идеологической необходимости в этом нет. Это вновь порождает внутренний конфликт спецпереселенцев – и с государством, и с той частью общества, которая дистанцируется от их «обвиняющей памяти».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из воспоминаний Е. М. Рухлова. Записано председателем Мончегорской общественной организации «Мемориал» Р. П. Грицаенко. 2013. Мончегорск.

² Из воспоминаний В. П. Курбатова, 1915 г. р. Мончегорск.

³ Из воспоминаний О. И. Никитиной, 1913 г. р.

⁴ Из воспоминаний В. Е. Русаковой. Записано Р. П. Грицаенко. 2013. Мончегорск.

⁵ Из воспоминаний А. Карпаниной (Тюшевой).

⁶ Из воспоминаний К. И. Тихоновой, 1918 г. р., 2000.

⁷ Из воспоминаний Л. Е. Гудовской (Зинченко).

⁸ Из воспоминаний У. С. Мельниковой.

- ⁹ Главными документами, знаменующими начало этого этапа, можно считать постановления Совета Министров СССР «О снятии ограничений по спецпереселению с бывших кулаков и других лиц» (13.08.1954) и «О выдаче спецпоселенцам паспортов» (10.03.1955).
- ¹⁰ Из воспоминаний В. Д. Михейчик. 17.07.1992. Мончегорск.
- ¹¹ Из воспоминаний В. В. Хилько (Каширской).
- ¹² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/sssr/4248> (дата обращения 12.08.2019).
- ¹³ Постановление ВС СССР «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14.11.89 года “О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав”» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ndkt.org/postanovlenie-verhovnogo-soveta-sssr-ob-otmene-zakonodatelnyh-aktov> (дата обращения 12.08.2019).
- ¹⁴ Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/10105390> (дата обращения 12.08.2019).
- ¹⁵ Подробнее культурные маркеры общности спецпереселенцев рассмотрены в статье: Разумова И. А. Идентификация символической общности «спецпереселенцы» сквозь призму мемуарных текстов // Труды ФИЦ КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Вып. 16. (В печати.)
- ¹⁶ Дети Большого террора: как потомки репрессированных в СССР борются за право вернуться домой [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rtvi.com/stories/kak-potomki-repressirovannykh-v-sssr-boryutsya-za-pravo-vernutsya-domoy/?utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения 12.08.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг. Историко-правовое исследование. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 359 с.
2. Брубойкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
3. Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 337 с.
4. Виола Л. Крестьянский бунт в Эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 367 с.
5. Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М.: РОССПЭН, 2010. 335 с.
6. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2001. 96 с.
7. Закирова В. Н. Спецпереселенцы в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) национальном округе в начале 30-х гг. XX в. // Вестник угроведения. 2015. № 3 (22). С. 52–57.
8. Зберовская Е. Л. Спецпоселенцы из Западной Украины в Красноярском крае (1945 г. – начало 1960-х гг.): процесс социокультурной адаптации // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 5. С. 250–254.
9. Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 5–26.
10. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.
11. Змеева О. В., Разумова И. А. Спецпереселенцы Хибинского: динамика идентичностей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 33–43.
12. Игнатов Н. М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–50-е гг. Сыктывкар: ИЯЛИ УрО РАН, 2009. 192 с.
13. Ким М. Ю. Социально-бытовые условия спецпереселенцев в Карагандинском угольном бассейне в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3 (29). С. 55–62.
14. Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 1950-х гг. Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1996. 226 с.
15. Красильников С. А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2009. 344 с.
16. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 480 с.
17. Мошкин В. В. Ссылка крестьян на Север в 1930–1933 гг. (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа). Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2009. 189 с.
18. Надькин Т. Д., Костин А. А. Крестьянское сопротивление политике коллективизации и раскулачиванию на территории Мордовии (конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 20–24.
19. Память неподвластна времени / Сост. И. Я. Хищенко, А. А. Барсамов; Кировско-Апатитская районная общественная организация «Хибинское добровольное историко-просветительское общество “Мемориал”». Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2015. 227 с.
20. Пусть не доведется внукам: Сборник воспоминаний к 80-летию города Мончегорска / Сост. Р. П. Грицаенко; Мончегорская общественная организация «Мемориал». Мончегорск, 2018. 195 с.
21. Скотт Д. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 37–41.
22. Спецпереселенцы в Хибинах. Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний). Апатиты: Хибинское общество «Мемориал», 1997. 222 с.
23. Старостин С. И. Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы // *Historia Provinciæ* – Журнал региональной истории. 2019. Т. 3. № 1. С. 212–317. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-1-4
24. Упадышев Н. В. Спецпоселенцы в Северном крае: концептуальное видение проблемы // Вестник Поморского университета. 2005. № 2 (8). С. 24–25.
25. Федорова М. И. Крестьянское сопротивление государственным реформам – опыт XX века // Омский научный вестник. 2015. № 1 (135). С. 21–24.
26. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ Транзиткн, 2004. 635 с.
27. Хибингорск. Память сердца. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2012. 360 с.
28. [Хирш М.] Что такое постпамять. Перевод статьи Марианны Хирш / перевод Ксении Харлановой // Уроки истории XX век [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://urokiistorii.ru/article/53287> (дата обращения 31.07.2019).

29. Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: к 65-летию Мурманской области. Мурманск: Максимум, 2004. 317 с.
30. Шнайдер В. Г. Проблемы социальной адаптации депортированных народов Северного Кавказа в местах спецпоселения (середина 1940-х – середина 1950-х гг.) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 11 (66). С. 261–269.
31. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.
32. Bauman Z. Identity. Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge; Malden: Polity Press, 2004. 104 p.
33. Displaced Children in Russia and Eastern Europe. 1915–1953: ideologies, identities, experiences (Nick Baron, Ed. by). Leiden: Brill, 2016.
34. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. NY: Columbia University Press, 2012. 320 p.
35. Hobsbawm E. Are All Tongues Equal? Language, culture, and national identity // Living as Equals (Paul Barker, Ed. by). Oxford: Oxford UP, 1997. P. 85–98.
36. Somers M. The narrative constitution of identity: A relational and network approach // Theory and Society. 1994. No 23. P. 605–629.

Поступила в редакцию 5.08.2019

Irina A. Razumova, Doctor of History, Barents Centre of the Humanities – the Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)
 irinarazumova@yandex.ru

CREATION AND RECONSTRUCTION OF COMMUNITY: THE CASE OF SPECIAL SETTLERS

The article deals with the problem of identifying so-called “forced settlers” or “special settlers” as a community in different periods. The aim was to find out how people who associate themselves with this historical category define the criteria of community, and how these criteria relate to the official identifiers. The memories of former special settlers brought to the Kola Peninsula in 1929–1930 and their descendants were used as material for the research. Officially forced settlers were primarily classified as “wealthy peasants” or “kulaks”, and since the mid-1940s – as “special settlers” or “former kulaks”. Revitalization of the “special settlers” community is due to the nature of the rehabilitation process and the change of ideological orientations during the late 1980s and the early 1990s. Social and cultural markers of “special settlers” became more important with the loss of the former official identifiers. At the same time, there was formed a narrative for a new category – “victims of political repression”. “Special settlers” were included into this category together with other groups of the repressed people, but they did not lose their distinctiveness. Their sense and awareness of community are based on the historical determinant, “peasant roots”, a set of moral properties, and on the same life trajectory associated with the circumstances of their resettlement. Currently, this community is mainly hereditary and commemorative. Special settlers and their descendants can still rely on large-scale official memorial projects and lay claim to legal material compensation. They are guided by the imperatives of “law” and “justice”, and once again find themselves in internal confrontation with the authorities, but on different grounds than in the Soviet era.

Keywords: special settlers, identification, community, social anthropology

Cite this article as: Razumova I. A. Creation and reconstruction of community: the case of special settlers. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). C. 102–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.419

REFERENCES

1. Belkovets L. P. Administrative and legal status of the Russian Germans in special settlements of 1941–1955. Historical and legal research. Moscow, 2008. 359 p. (In Russ.)
2. Brubaker R. Ethnicity without groups. Moscow, 2012. 408 c. (In Russ.)
3. Vavulinskaja L. I. Special settlers and foreign prisoners of war in Karelia in the mid-1940s and the mid-1950s. *Petrozavodsk*, 2013. 337 p. (In Russ.)
4. Viola L. Peasants' revolt in the era of Stalin: collectivization and culture of peasants' resistance. Moscow, 2010. 367 p. (In Russ.)
5. Viola L. Peasant's GULAG: the world of Stalin's special settlements. Moscow, 2010. 335 p. (In Russ.)
6. Graciozi A. The Great Soviet Peasant War. Bolsheviks and peasants. 1917–1933. Moscow, 2001. 96 p. (In Russ.)
7. Zakirova V. N. Special settlers in the Ostyako-Vogul (Khanty-Mansi) National District in the early 1930s. *Bulletin of Ugric Studies*. 2015. No 3 (22). P. 52–57. (In Russ.)
8. Zberovskaja E. L. Special settlers from Western Ukraine in Krasnoyarsk region (from 1945 to the early 1960s): the process of socio-cultural adaptation. *Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University*. 2014. No 5. P. 250–254 (In Russ.)
9. Zemskov V. N. Mass release of special settlers and exiles (1954–1960). *Sociological Studies*. 1991. No 1. P. 5–26. (In Russ.)
10. Zemskov V. N. Special settlers in the USSR. 1930–1960. Moscow, 2005. 306 p. (In Russ.)
11. Zmeeva O. V., Razumova I. A. Special settlers of Hibinogorsk: dynamics of identities. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 7 (168). P. 33–43. (In Russ.)
12. Ignatova N. M. Special settlers in the Komi Republic between the 1930s and the 1950s. *Syktyvkar*, 2009. 192 p. (In Russ.)
13. Kim M. Yu. Social and living conditions of special settlers in the Karaganda coal basin in the 1930s. *Tomsk State University of History*. 2014. No 3 (29). P. 55–62. (In Russ.)
14. Kirillov V. M. History of repression in the Nizhny Tagil region of the Urals. Between the 1920s and the early 1950s. *Nizhny Tagil*, 1996. 226 p. (In Russ.)
15. Krasil'nikov S. A. The sickle and the Moloch. Exile of peasants in Western Siberia during the 1930s. Moscow, 2009. 344 p. (In Russ.)
16. Megill A. Historical epistemology. Moscow, 2007. 480 p. (In Russ.)
17. Moshkin V. V. The deportation of peasants to the North between 1930 and 1933 (studying the materials of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug). *Nizhnevartovsk*, 2009. 189 p. (In Russ.)

18. Nad'kin T. D., Kostin A. A. Peasant's resistance to the policy of collectivization and dekulakization in the territory of Mordovia (between the late 1920s and the early 1930s). *Social and Political Sciences*. 2011. No 1. P. 20–24. (In Russ.)
19. Memory is timeless (Ya. Hishhenko, A. A. Barsamov, Comp.). Apatity, 2015. 227 p. (In Russ.)
20. Let this not happen to the grandchildren. A collection of memories in commemoration of the 80th anniversary of the city of Monchegorsk. (R. P. Gritsaenko, Ed.). Monchegorsk, 2018. 195 p. (In Russ.)
21. Scott J. Weapons of the weak: everyday forms of peasant resistance. *Peasant studies. Theory. History. Present: Almanac*. Moscow, 1996. P. 37–41. (In Russ.)
22. Special settlers in the Khibiny. Special settlers and prisoners in the history of the development of the Khibiny (book of memories). Apatity, 1997. 222 p. (In Russ.)
23. Starostin S. I. Mass deportations and the system of special settlements in the Vologda region in the 1930s–1950s. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*. 2019. Vol. 3. No 1. P. 212–317. (In Russ.) DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-1-4
24. Upadyshev N. V. Special settlers in the Northern region: a conceptual vision of the problem. *Vestnik of Pomor University*. 2005. No 2 (8). P. 24–25. (In Russ.)
25. Fedorova M. I. Peasants' resistance to state reforms – the experience of the XX century. *Omsk Scientific Bulletin*. 2015. No 1 (135). P. 21–24. (In Russ.)
26. Huntington S. Who are we? The challenges to America's national identity. Moscow, 2004. 635 p. (In Russ.)
27. Hibirnogorsk. The memory of the heart. Apatity, 2012. 360 p.
28. [Hirsch M.] What is postmemory. Translation of Marianne Hirsch's article. *Uroki istorii. XX vek*. Available at: <https://urokiistorii.ru/article/53287> (accessed 31.07.2019). (In Russ.)
29. Shashkov V. Ya. Special settlers in the history of the Murmansk region: commemorating the 65th anniversary of the Murmansk region. Murmansk, 2004. 317 p. (In Russ.)
30. Schneider V. G. Problems of social adaptation of the deported peoples of the North Caucasus in special settlements (between the mid-1940s and the mid-1950s). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 2008. No 11 (66). P. 261–269. (In Russ.)
31. Erikson E. Identity: youth and crisis. Moscow, 1996. 344 p. (In Russ.)
32. Bauman, Z. Identity. Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge, Malden, 2004. 104 p.
33. Displaced children in Russia and Eastern Europe. 1915–1953: ideologies, identities, experiences. (Nick Baron, Ed.). Leiden, 2016.
34. Hirsch M. The generation of Postmemory: Writing and visual culture after the Holocaust. NY, 2012. 320 p.
35. Hobsbawm E. Are all tongues equal? Language, culture, and national identity. *Living as equals*. (Paul Barker, Ed.). Oxford, 1997. P. 85–98.
36. Somers M. The narrative constitution of identity: A relational and network approach. *Theory and Society*. 1994. No 23. P. 605–629.

Received: 5 August, 2019